

ГЛАВА 1

Стоял почти идеальный весенний день. Воздух был чист и свеж, в васильковом небе тянулись белые полосы — инверсионные следы самолетов. Впереди, за деревьями Хоум-парка, серебрился в утреннем свете Виндзорский замок. Королева остановила своего пони, чтобы полюбоваться пейзажем. Ничто так не согревает сердце, как солнечное утро в сельской Англии. За восемьдесят девять лет Ее величеству не наскучило восхищаться созданиями Всевышнего. Точнее, эволюции. Но в такой дивный день поневоле вспоминаешь о Боге.

Если бы ее спросили, какую из резиденций она любит больше всего, она выбрала бы эту. Не Букингемский дворец: там живешь словно в помпезном офисном здании на оживленном перекрестке. Не Балморал¹ и не Сандрингем², хотя она с ними

1 Замок Балморал расположен в Шотландии, в округе Абердиншир, на берегу реки Ди. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

2 Сандрингемский дворец находится в графстве Норфолк.

сроднилась. Но лишь в Виндзоре она чувствовала себя дома. Здесь прошли счастливейшие дни ее детства: особняк Ройал-Лодж¹, рождественские пантомимы, конные прогулки. Сюда возвращаешься на выходных, чтобы отдохнуть от бесконечных городских церемоний. Здесь упокоился папа и любимая мамочка, а рядом с ними и Маргарет², хотя захоронить ее прах в уютном родительском склепе оказалось не так-то просто³.

Если когда-нибудь случится революция, подумала королева, она попросит, чтобы ей разрешили поселиться именно здесь. Хотя вряд ли ей это позволят. Скорее всего, революционеры вышлют ее... куда? За границу? Если так, она отправится в Виргинию, названную в честь ее тетки, — на родину Секретариата, который в 1973-м выиграл “Тройную корону”⁴. Между прочим, не худшая перспектива, если бы не Содружество, бедный Чарльз, Уильям и маленький Джордж, его славный наследник: какое счастье, что после всех ужасов он появился на свет!

Но лучше, конечно, остаться в Виндзоре. Здесь можно выдержать что угодно.

Издаലെка замок выглядел праздным и сонным: казалось, ничто не нарушает его покой. Однако это была лишь видимость. Внутри трудились пять сотен человек. Целое селение, причем чрезвычайно деятельное. Ей приятно было думать обо

1 Королевская резиденция в Виндзоре.

2 Принцесса Маргарет, графиня Сноудон (1930-2002) — младшая сестра Елизаветы II.

3 В склепе было немного места, и чтобы захоронить Маргарет к родителям, ее пришлось кремировать.

4 Выигрыш трех самых престижных скачек на чистокровных лошадях.

всех — от дворцового эконома, который ведет счета, до горничных, стеливших постели после вчерашнего *soirée*¹. Но сегодня на все легла тень.

Молодого русского пианиста, выступавшего на вчерашнем приеме, сегодня утром нашли мертвым в постели. Вероятно, умер во сне. Его представили королеве. Она даже потанцевала с ним. Такой юный, такой талантливый. Такое горе для близких.

Пение птиц утонуло в глухом рокоте. Заслышав в небе пронзительный вой, королева подняла голову и увидела заходящий на посадку “эйрбас А330”. Если живешь возле Хитроу, поневоле выучишь наизусть все самолеты, хотя узнавать очертания современных пассажирских лайнеров — невелика хитрость. Гул самолета вывел ее из раздумий и напомнил о том, что пора заняться бумагами.

Она мысленно отметила, что нужно будет спросить, как себя чувствует мать погибшего. Говоря по правде, обычно ее не интересовали чужие незнакомые родственники. И со своими забот хватает. Но что-то подсказывало ей: тут случай особый. Ее насторожило, с каким выражением лица секретарь утром докладывал ей об этой новости. Как ни старались подданные оградить ее от волнений, она всегда догадывалась, если что-то не так. А сейчас, вдруг поняла она, что-то определенно не так.

В малой столовой с узорчатым готическим потолком заканчивали завтракать. Управляющий королевской конюшней, архиепископ Кентерберийский,

1 Званный вечер (*фр.*).

бывший посол в России и другие гости, оставшиеся ночевать, доедали яичницу с беконом.

— Занятный вечер, — сказал управляющий архиепископу, который сидел слева от него. — Не знал, что вы танцуете танго.

— Я и сам не знал, — простонал его собеседник. — Не устоял перед обаянием этой маленькой балерины. Теперь вот в прямом смысле стоять не могу: до того болят икры. — Архиепископ понизил голос: — Скажите, насколько смешно я выглядел по десятибалльной шкале?

Управляющий скривил губы.

— На одиннадцать баллов, как говаривал Найджел Тафнел¹. Никогда не слышал, чтобы королева так смеялась.

Архиепископ нахмурился.

— Тафнел? Неужели он вчера был здесь?

— Нет. Я о *Spinal Tap*.

— Бог мой, — смущенно ухмыльнулся танцор поневоле.

Он наклонился, чтобы потереть ногу, и встретился взглядом с сидящей напротив молодой женщиной, изумительно красивой и стройной, как фотомодель. Казалось, ее большие темные глаза смотрят ему прямо в душу. Женщина слабо улыбнулась. Архиепископ вспыхнул, как мальчишка-хорист.

Но Маша Перовская смотрела не на него, а сквозь него. Никогда еще ей не доводилось бы-

¹ Участник британской пародийной хард-рок-группы *Spinal Tap* (его роль исполнил Кристофер Гест). Фраза про одиннадцать баллов впервые прозвучала в фильме 1984 года *"This is Spinal Tap"*, где Тафнел демонстрирует ручку регулировки громкости делениями от 1 до 11 вместо обычных от 1 до 10.

вать на таких приемах, как вчера, и она до сих пор смаковала каждую его секунду.

“Званный ужин с ночевкой, — мысленно повторяла она. — Званный ужин с ночевкой. На прошлой неделе я была на званом ужине с ночевкой в Виндзорском замке. Да. У Ее Величества королевы Англии. Вам не доводилось бывать у нее? Это очень мило. — Можно подумать, она каждую неделю ужинает в Виндзоре с королевой. — Нам с Юрием отвели покои с видом на город. Ее Величество пользуется таким же мылом, что и мы. У нее прекрасное чувство юмора. А какие бриллианты, умереть не встать...”

Муж ее, Юрий Перовский, лечил мощнейшее похмелье коктейлем из сырых зеленых овощей и имбиря, изготовленным по его личному рецепту. Здешняя прислуга, бесспорно, знала свое дело. Юрий слышал, будто королева держит хлопья для завтрака в пластмассовых коробочках (правда, утром ее за столом не было). Он ожидал увидеть старинную английскую “потертую роскошь”, читай — запустение, дурное отопление и облупившуюся краску. Однако его явно ввели в заблуждение. Малую столовую, к примеру, украшали изысканные красные шелковые портьеры, обеденный гарнитур с дюжиной позолоченных стульев и девственно-чистый ковер с уникальным орнаментом. Остальные покои тоже были обставлены безупречно. Даже его дворецкий не нашел бы, к чему придраться. А какой вчера подавали портвейн! И вино. Кажется, еще и бренди? Прошлый вечер он помнил смутно.

Превозмогая головную боль, он повернулся к сидевшей слева даме, жене бывшего посла, и спро-

сил, не порекомендует ли она персонального библиотекаря — наподобие того, с кем они познакомились вчера после ужина. Жена бывшего посла таких не знала, однако же у нее была масса начитанных друзей, которые нуждались в деньгах, а потому она постаралась быть обаятельной на одиннадцать баллов из десяти возможных и дала необходимые рекомендации.

Беседу их прервало появление высокой черноволосой женщины в отутюженном брючном костюме, которая театрально застыла в дверях, уперев руки в боки и трагически поджав карминовые губы.

— Ах, прошу прощения! Неужели я опоздала?

— Вовсе нет, — дружелюбно ответил управляющий королевской конюшней, хотя она, конечно же, опоздала ужасно. Большинство гостей уже вернулись к себе, чтобы присмотреть за тем, как собирают их вещи. — Мы никуда не торопимся. Садитесь рядом со мной.

Мерedit Гостелу подошла к стулу, который выдвинул для нее лакей, и благодарно кивнула в ответ на предложение принести ей кофе.

— Вы хорошо спали? — раздался знакомый голос справа.

Это был сэр Дэвид Аттенборо. Услышав эту певучую, заботливую интонацию (точь-в-точь как по телевизору!), Мерedit Гостелу почувствовала себя вымирающей пандой.

— Э-э-э, да, — солгала она, обвела взглядом стол, заметила, что красавица Маша Перовская улыбается ей, и едва не села мимо стула.

— Я вот не спала, — хрипло пробормотала Маша,

и сидящие за столом повернули к ней головы — все, кроме мужа, который, нахмурясь, цедил свой коктейль. — Всю ночь думала о красоте, музыке и... вот как в диснеевских...

— Сказках, — прошептал сидящий напротив нее посол, и голос его осекся.

— Да, в сказках. Правда? Я словно попала в сказку! Но в *шикарную*. — Она примолкла. Вообще-то она собиралась сказать другое, но плоховато знала английский; оставалось только надеяться, что восхищение поможет ей найти слова. — Везет вам. — Она обернулась к управляющему королевской конюшней: — Вы часто здесь бываете?

Он ухмыльнулся, словно она пошутила.

— Еще бы.

Не успела Маша узнать, что его так развеселило, как к ним подошел лакей в великолепном черном фраке и красном жилете, наклонился к ее мужу и что-то прошептал ему на ухо. Юрий вспыхнул, встал, отодвинул стул и молча вышел из столовой вслед за лакеем.

Впоследствии Маша пожалела, что завела речь о сказках. Как ей это в голову пришло? Ведь в каждой сказке, если вдуматься, действует нечисть. Силы зла подстерегают там, где не ожидаешь, и зачастую одерживают победу. Вместо того чтобы говорить о Диснее, лучше вспомнила бы Бабу-Ягу.

Всем и всегда угрожает опасность. Сколько ни надевай бриллиантов и мехов. Однажды я тоже состарюсь и останусь совсем одна.

ГЛАВА 2

Саймон!
— Да, мэм?
Личный секретарь Ее величества, сэра Саймон Холкрофт, поднял голову от списка мероприятий и посмотрел на королеву. Она только что вернулась с конной прогулки и сейчас сидела за столом в серой твидовой юбке и кашемировом кардигане, подчеркивавшем голубизну глаз. Ее личная гостиная была очень уютной для готического замка: выдавшие виды диваны, множество драгоценных вещиц и сувениров, скопившихся за целую жизнь. Ему здесь нравилось. Однако интонация государыни встревожила сэра Саймона, хотя он, разумеется, постарался это скрыть.
— Тот юный русский. Вы ничего от меня не утаили?
— Ничего, мэм. Насколько мне известно, тело отвезли в морг. Двадцать второго прилетит президент, нужно решить, будет ли вам угодно...
— Не отклоняйтесь от темы. У вас было такое лицо...

— Мэм?

— Когда вы сообщили мне эту новость. О чем-то явно умолчали, чтобы не расстраивать меня. О чем же?

Сэр Саймон сглотнул. Он прекрасно знал, о чем именно умолчал, чтобы не расстраивать свою немолдую госпожу. Но босс есть босс. Холкрофт кашлянул.

— Он был голый, мэм. Когда его обнаружили.

— Да?

Королева уставилась на секретаря. Представила стройного молодого человека, который лежит, обнаженный, под одеялом. Что же тут странного? Филип в молодости тоже терпеть не мог пижам.

Сэр Саймон уставился на королеву. Он не сразу сообразил, что известие не вызвало у нее удивления. Придется сказать все как есть; он собрался с духом и продолжал:

— Э-э-э, голый, но в фиолетовом халате. На поясе от которого он, к несчастью... — Холкрофт осекся, не в силах договорить. Государыне через две недели девяносто!

Но королева и сама догадалась — судя по пронзительному взгляду, который она бросила на секретаря.

— Вы хотите сказать, он повесился на поясе от халата?

— Да, мэм. Такая трагедия. В шкафу.

— В шкафу?

— Точнее, в гардеробе.

— Что ж. — Повисло недолгое молчание: королева и секретарь представили себе эту сцену и тут же по-

жалели об этом. — Кто его обнаружил? — отрывисто спросила она.

— Одна из экономок. Кто-то заметил, что его не было за завтраком, и миссис... — он примолк на мгновение, вспоминая фамилию, — миссис Кобболд пошла посмотреть, проснулся ли он.

— Как она себя чувствует?

— Плохо, мэм. Насколько мне известно, ей потребовалась помощь психолога.

— Странная история... — Королева никак не могла отделаться от стоящего перед глазами образа.

— Да, мэм. По-видимому, это был несчастный случай.

— Неужели?

— Судя по тому, как он... и по состоянию комнаты. — Сэр Саймон снова кашлянул.

— Что — как он, Саймон? И что с комнатой?

Холкрофт глубоко вздохнул.

— Там обнаружили дамское... исподнее. Губную помаду. — Он закрыл глаза. — Салфетки. Похоже, он... экспериментировал. Для удовольствия. Вряд ли он хотел...

Секретарь уже побагровел. Королева сжалась над ним.

— Какой ужас. Полицию вызывали?

— Да. Комиссар поклялся вести дело строго конфиденциально.

— Хорошо. Родителям сообщили?

— Не знаю, мэм. — Сэр Саймон сделал пометку. — Но выясню.

— Благодарю вас. Это всё?

— Не совсем. Днем я собрал прислугу и попросил

хранить случившееся в тайне. Миссис Кобболд отнеслась с пониманием. Я более чем уверен, что мы можем на нее положиться, и предупредил остальных, чтобы не болтали. Придется сообщить гостям о смерти мистера Бродского — разумеется, умолчав о том, как именно это произошло. Мистера Перовского уже известили: это ведь он его привез.

— Ясно.

Сэр Саймон покосился на список мероприятий.
— Еще нужно решить, где именно вам будет угодно встретить мистера и миссис Обаму...

И они вернулись к обычным делам. Однако утреннее происшествие не давало королеве покоя.

Подумать только, тело бедного юноши нашли не где-нибудь, а в Виндзоре. В шкафу. В фиолетовом халате.

Она и сама не знала, кого жалеет больше, человека или замок. Разумеется, смерть молодого пианиста — трагедия. Но замок ей ближе. Как вторая кожа. Ужасно, ужасно. И после такого чудесного вечера!

Весной королева любила провести месяц в Виндзоре: именно здесь она обычно встречала Пасху. Праздники проходили без избыточных дворцовых формальностей: вместо званых обедов на сто шестьдесят персон можно было устраивать вечеринки на двадцать человек и общаться со старыми друзьями. Однако на вчерашний прием Чарльз вынудил ее пригласить этих богатых русских: он рассчитывал уговорить их дать денег на какие-то его проекты.

Чарльз попросил позвать Юрия Перовского с его сверхъестественно красивой молодой женой

и некоего Джея Хокса, управляющего хедж-фондом, который специализировался на российских рынках и был невыносимым занудой. В качестве одолжения сыну королева согласилась и вдобавок позвала кое-кого из своих знакомых.

Она пробежала глазами список гостей, копия которого до сих пор лежала меж бумагами на столе. Разумеется, в нем был сэр Дэвид Аттенборо. Неизменно приятный собеседник, вдобавок ее ровесник, а это теперь редкость. Правда, вчера настроение его омрачали последствия глобального потепления. Подумать только! Вдобавок на несколько дней приехал управляющий королевской конюшней: слава богу, его настроения никогда ничто не омрачало. Пригласила она и писательницу с мужем-сценаристом, чьи тонкие, полные юмора фильмы воплощали в себе квинтэссенцию всего британского. Были также ректор Итона с женой: они жили неподалеку и часто гостили в Виндзоре.

Ради Чарльза она пригласила и тех, кто имел какое-то отношение к России. Бывшего посла, который недавно вернулся из Москвы... Оскароносную актрису с русскими корнями, известную своей тучностью и острым языком... Кого еще? Ах да, ту знаменитую женщину-архитектора, которая сейчас строит в России величественный флигель какого-то музея, и преподавательницу русской литературы с мужем (в наши дни сложно догадаться, какого пола и ориентации тот или иной преподаватель — в чем Филипу пришлось убедиться на собственном горьком опыте, — но конкретно эта была замужня женщина).